
КЪ ВОПРОСУ О СТРАДАНИЯХЪ.

Если бы вся исторія жизни человѣческой на землѣ съ самой ея колыбели какимъ-либо чудомъ развернулась подобно огромному свитку предъ нашимъ взоромъ, то, конечно, каждый бы изъ насъ увидѣлъ какъ бы огненными и кровавыми буквами написанное: „плачь, и стонъ и горе“. Наблюденія каждаго и опытъ всего человѣчества на протѣженіи всей его исторіи достаточно ясно говорятъ, что настоящій міръ и жизнь по крайней мѣрѣ въ сознаниіи человѣчества есть міръ скорби, страданій и зла. Зло здѣсь въ большой дозѣ перемѣшано съ добромъ и, какъ тонкій ядъ, это зло проникаетъ собою все: къ красотѣ природы примѣшивается безобразіе, въ силѣ природы сказывается ея слабость, а отъ человѣка гораздо болѣе возносится къ небу стонъ отчаянія и плача, нежели восторженныхъ криковъ радованія и ликованія. И что всего тягостнѣе для сознанія человѣка, ищущаго проникнуть въ таину окружающей жизни, такъ это замѣчаемое имъ постоянно какое-то странное противорѣчіе и несоотвѣтствіе между явною цѣлю жизни природы и человѣка и дѣйствительною жизнью и дѣятельностью ихъ. Въдѣ красота, здоровье, сила, жизнь повидимому составляютъ явную цѣль природы въ мірѣ органическомъ, но въ то же время природа дѣйствуетъ и въ противоположномъ направленіи и трудится столько-же и для уничтоженія всего живущаго, сколько и для жизни: не только для человѣка, но и для всего живущаго она и мать, а пожалуй больше того—мачиха. Она уничтожаетъ одной рукой то, что дѣлаетъ другой.

У человѣка отъ природы есть много добра и въ совѣсти, и въ разумѣ, но въ то же время еще больше есть такого, что постоянно борется въ человѣкѣ съ добромъ. И какъ сама

природа постоянно какъ бы противорѣчитъ себѣ самой, такъ и человѣкъ постоянно мучится непрекращающейся борьбой духа и плоти, высшихъ и низшихъ своихъ стремленій. Пусть человѣкъ намѣренно будетъ закрывать глаза и не замѣчать этой общей „страды жизни“, пусть онъ будетъ стараться найти забвеніе въ полномъ погруженіи себя въ чувственность и въ такъ называемыя удовольствія жизни,— онъ этимъ самообманомъ только на нѣкоторое время отстранитъ какъ бы отъ себя весь ужасъ сознанія пустоты своей жизни и круговаго страданія, но самый-то фактъ этой всеобщей „страды жизни“ такъ и остается фактомъ и еще тяжелѣе дастъ себя почувствовать въ минуты духовнаго протрезвленія и заставитъ искать такого или иного рѣшенія. Вѣдь не можетъ же человѣкъ жить этой только скорбью жизни и въ ней самой находить смыслъ жизни, а будетъ непремѣнно искать какого-либо оправданія этой скорби житейской, какого-либо ея смысла и цѣли, разъ она неизбѣжна. Правда, человѣчество готово признать даже эти страданія подлиннымъ закономъ своей и міровой жизни: устами своихъ же ученыхъ говорить оно теперь о законѣ борьбы за существованіе, какъ общемъ и неизбѣжномъ законѣ жизни; не говоритъ только ясно—откуда же этотъ законъ, какой его смыслъ и что же слѣдуетъ дальше? Вѣдь нуженъ же какой-либо смыслъ этихъ страданій, нуженъ же какой-либо просвѣтъ, который хотя нѣсколько живилъ бы человѣка и давалъ ему силу и мощь! А въ томъ фактѣ, что человѣчество все-таки никогда не мирится внутренно съ этимъ какъ бы заколдованнымъ кругомъ общаго смятенія и общей скорби жизни и ищетъ всегда лучшей доли и блага жизни, ясно выражается, что законъ страданій вовсе не выражаетъ собою подлинной правды о жизни человѣка, а только говорить, что можетъ быть другая жизнь—лучшая, что чувствуется она внутренно и что стоитъ только изъ наличныхъ формъ и силъ жизни найти такую, которая подлинно была бы пригодна для устройства блага жизни,—и оно будетъ обезпечено.

Человѣчество, къ сожалѣнію, ошибочно думаетъ, что въ наличныхъ условіяхъ жизни и ея пережитыхъ и переживаемыхъ формахъ выразилась вся природа личности человѣческой и всѣ стороны ея въ своей нормѣ и подлинности, и

вопросъ о томъ, истинна-ли это человѣческая жизнь и со-отвѣтствуетъ-ли она идеѣ свободно-разумной, творческой личности, какою хочетъ все-таки считать себя человѣкъ, объ этомъ думаютъ мало.

Вотъ и бьется бѣдный человѣкъ въ этомъ непонятномъ для его ума и странномъ раздвоеніи и круговоротѣ жизни: сознаетъ борьбу и страданія, какъ дѣйствительныя и наличныя факты, и видитъ въ нихъ общій законъ жизни, но не хочетъ примириться съ ними и всѣмъ своимъ существомъ отрицаетъ ихъ. Кажется, какъ будто ужасная печать древняго братоубійцы Каина и то печальное знамя его жизни, что онъ „стѣня и трясыйся“ будетъ жить среди людей, во очію исполняется надъ всѣмъ человѣчествомъ.

Вѣдь подлинно, что „стѣня и трясыйся“ за благо своей жизни, за себя самого, за тѣ удовольствія и прихоти, которыми манитъ міръ, живетъ и жилъ всегда человѣкъ. Какъ будто убилъ что-то человѣкъ и трепещетъ суда за это убійство, какъ будто онъ поругался надъ чѣмъ-то святымъ и великимъ въ жизни, вродѣ братской любви, поруганной Каиномъ, и за это поруганіе природа мститъ ему тѣмъ, что лишила его мира и радости, лишила его самаго высшаго—разума его жизни. Мы не будемъ теперь касаться вопроса о нормахъ человѣческой жизни, выражающихъ собой внутреннюю природу и сущность человѣческой личности; у насъ теперь вопросъ о страданіяхъ, поскольку они представляютъ собой наличный фактъ и требуютъ хотя нѣкотораго проникновенія и освѣщенія ихъ.

Въ исторіи міровой жизни можно видѣть, какъ человѣчество въ борьбѣ съ этой страдой жизни, въ погонѣ за благомъ жизни, сбивалось съ пути жизни, не зная истиннаго выхода изъ страданій, и терпѣло полное крушеніе своей жизни, или спускалось на степень чисто животнаго состоянія, утрачивая всякое человѣческое достоинство.

Библия говоритъ намъ объ одномъ ужасномъ крушеніи жизни всего человѣчества, когда люди, заглушая внутренній голосъ совѣсти и забывъ Бога, искали забвенія на пути только плотскихъ удовольствій и дошли до чисто-скотскаго состоянія, такъ что Господь нашелъ лучшимъ совсѣмъ смыть съ лица земли этотъ позоръ человѣчества волнами всемірнаго потопа, нежели оставить такое состоя-

ніе міра, когда, по словамъ священнаго писателя—„растли всяка плоть путь свой на земли“. Свѣтская, мірская исторія народовъ говоритъ намъ о другомъ, хотя и не такомъ ужасномъ, какъ потопъ, но все-же великомъ и печальномъ крушеніи челоѳческой жизни, когда люди предъ пришествіемъ Христа Спасителя на землю, въ тщетныхъ поискахъ истиннаго пути жизни и выхода отъ безсмысленной суеты жизни, въ отчаяніи готовы были сами прекратить свое существованіе. „Не стоить жить“—вотъ отчаянный вопль, который раздавался какъ на улицахъ и площадяхъ, такъ и съ ораторскихъ и философскихъ кафедръ и при томъ среди народа образованнаго и богатаго естественными благами жизни. „Нѣтъ,—говоритъ одинъ философъ,—вмѣсто того, чтобы роптать и страдать, лучше лишитъ себя жизни. Отчего ты самъ не умѣешь покончить съ жизнію и съ лишеніями?“

Даже лучшіе люди этого печальнаго и мрачнаго времени, презирая жизнь и тяготясь ею, спрашивали со скорбію: „докуда же будетъ это и скоро ли прекратятся страданія?“ Это ужасное состояніе полнаго отчаянія происходило не отъ того только, что челоѳкъ изнемогъ въ борьбѣ со зломъ внѣшней природы, въ борьбѣ за физическое свое существованіе, а оттого, что у него изсякъ источникъ его духовной жизни. Челоѳкъ уразумѣлъ и почувствовалъ, что онъ остается въ жизни только слѣпой игрушкой страстей и что даже самое грубое и полное служеніе и преданность этимъ страстямъ не могутъ заглушить въ немъ сознаніе тяготы, ненормальности жизни и необходимости лучшаго. И эти внутреннія, духовныя мученія челоѳка, когда онъ сознаетъ, что не можетъ найти своего истиннаго пути жизни, что онъ своей жизнію только опозорилъ самое достоинство челоѳка, что онъ утерять свѣтъ своей жизни, еще мучительнѣе и больнѣе ощущаются челоѳкомъ, нежели страданія внѣшнія—физическія, такъ какъ съ послѣдними челоѳкъ можетъ еще бороться и убѣгать отъ нихъ, а первыя онъ носитъ въ себѣ самомъ и питаетъ своей же жизнію.

Вотъ почему люди предъ пришествіемъ Христа Спасителя въ страшныхъ мукахъ духовнаго оскудѣнія жизни, по словамъ современника, „въ безумномъ отчаяніи рвали на себѣ одежды и валялись на улицахъ, крича, что они прокляты Богомъ“. Такими страшными послѣдствіями обнару-

живало себя ослабленіе въ умахъ и сердцахъ людей тѣхъ религиозныхъ вѣрованій, въ которыхъ раньше они находили успокоеніе. Но тайна этихъ ужасныхъ мученій и страданій духовныхъ, тайна все усиливающейся неудовлетворенности жизни, равно и тайна окружающаго людей міроваго зла, отъ котораго они искали убѣжища въ успѣхахъ культуры и цивилизаціи, такъ и осталась не разрѣшенной загадкой для языческаго міра.

Горько ошибется тотъ, кто скажетъ, что теперь-то уже этотъ стонъ міровой скорби отошелъ въ область преданій, что нѣтъ больше „страды жизни“, ибо въ области внѣшнихъ успѣховъ жизни и въ области умственного развитія человѣкъ достигъ такихъ результатовъ, что можетъ испытывать только довольство жизни. Прислушайтесь внимательно къ голосу современныхъ настроеній общественной жизни, прислушайтесь къ тону произведеній изящной и художественной литературы, гдѣ отражается жизнь съ ея настроеніями, посмотрите любую газетную хронику—и вы ясно увидите, что и теперь отъ земли къ небу несется не крикъ торжественной радости и благодарности, а тотъ же скорбный вопль тоски и отчаянія, какой несся и прежде. Жизнь общественная и литература, рисующая ее и подчеркивающая насущныя злобы жизни, одинаково развертываютъ предъ нами удручающую обстановку, въ которой люди мучатся со своими крупными и мелкими страстями, съ болѣзнями и бѣдностью, болѣзненно ищутъ, гдѣ только можно, крупницы добра и свѣта, часто заблуждаясь и сбиваясь съ пути, и мучительно ждуть отвѣта на вопросъ: какъ жить и куда нужно идти?

Ясно, что та же страдная пора жизни, которая переживалась прежде людьми, переживается ими и теперь, и много ли найдется такихъ богатыхъ духомъ и окрыленныхъ надеждой людей, которые бы свѣтло смотрѣли на будущее, а не воздыхали о прошедшемъ какъ лучшимъ и счастливымъ времени.

Знаменательно то въ жизни человѣческой, что какъ для cadaго человѣка въ частности, такъ и для жизни всего человѣчества, лучшія счастливійшія времена жизни, такъ называемый золотой вѣкъ, всегда отодвигается ко временамъ сѣдой старины; или къ лѣтамъ ранней юности.

И преданія всѣхъ народовъ одинаково согласны, что были когда то на землѣ болѣе лучшія, блаженныя времена, но тайна прекращенія этого блаженства и тайна страданій всегда оставалась загадкой для человѣка и теперь еще остается необъяснимой для тѣхъ, кто ищетъ ея разгадки путемъ собственныхъ усилій и измышлений. Одно только безусловно и ясно для всѣхъ и вѣрно, что жизнь человѣка, и не только человѣка одного, а и всего мірового бытія, съ которымъ человѣкъ непосредственно связанъ тѣсными узами и въ цѣль явленій котораго онъ введенъ, есть жизнь какого то искаженнаго цорядка, есть жизнь не нормальная, что такъ не должно быть. А такъ какъ человѣкъ всегда руководится въ своей жизни и можетъ разумно руководиться только мыслию о томъ, что должно быть и имѣетъ какой-нибудь смыслъ, а окружающая человѣка жизнь и его собственное существованіе, по причинѣ господства зла и страданій, кажутся непонятными и бессмысленными, то люди издавна старались объяснить какъ-нибудь это господство зла и страданій въ мірѣ и найти въ нихъ какой-либо смыслъ. Въдѣ безконечно и невыразимо тяжело человѣку сознать, что онъ бессмысленно живетъ, бессмысленно и не извѣстно для чего страдаетъ и еще бессмысленнѣе прекращаетъ свое существованіе.

Мы не будемъ подробно касатся тѣхъ разнообразныхъ объясненій тайны страданій жизни и зла въ мірѣ, какія давали люди, желавшіе проникнуть въ эту тайну усиліями только своего ума, ибо для жизни важно знать не столько ошибки заблужденія, сколько правду.

Скажемъ только, что внѣ идеи личнаго Бога, что для человѣка, переставшаго опредѣлять себя и свою жизнь этой идеей личнаго живого Бога и потерявшаго идеаль жизни и спасенія въ Богѣ, нѣтъ другого выхода, какъ только поникнуть въ сознаніи своего безсилія предъ непонятной тайной мірового бытія, какъ бытія страданій и скорби, и все уже бытіе признать принципиально злымъ, какъ это дѣлаетъ буддизмъ. Буддизмъ со своимъ пессимизмомъ,—съ ученіемъ, что самая жизнь, какъ процессъ извѣстнаго развитія, есть зло и что нужно погашать въ себѣ самое желаніе жизни, что небытіе лучше бытія, весьма хорошо выражаетъ собой то общечеловѣческое состояніе, когда люди перестаютъ со-

знавать и опознавать свою жизнь и себя въ живомъ личномъ Богѣ, разсматриваютъ себя только въ кругу одного этого ограниченнаго земнаго бытія, какъ частичку. При такомъ сознаніи возможны для человѣка, при видѣ общей страды жизни, два исхода: или презрѣніе ко всему и къ самой жизни, или глубочайшее чувство скорби, горькое отчаяніе, когда человѣкъ дѣйствительно способенъ бываетъ съ восторгомъ признать небытіе, какъ лучшее, и поклониться ему. Вотъ почему отнять у человѣка Бога и оставить его одного среди круговорота жизни, значитъ или осудить человѣка на одну чисто животную жизнь, недостойную человѣка и не избавляющую его отъ зла и страданій, или, если это не возможно, осудить его на полный пессимизмъ и отчаяніе. Но, вѣдь, въ этомъ признаніи зла, какъ всеобщаго и неизмѣннаго закона бытія и жизни, и въ истекающемъ отсюда пессимизмѣ, не только нѣтъ разумаго разрѣшенія мучительнаго вопроса о злѣ и объясненія его смысла, но ужь прямо какъ бы подчеркивается его безсмысліе и безсмысліе самой жизни. Немного отличаются отъ буддійскаго пессимизма, какъ и отъ пессимизма новѣйшихъ философскихъ ученій, въ этомъ отношеніи, т. е. въ указаніи и отысканіи смысла зла и страданій, тѣ ученія, которыя признавали источникомъ зла или самого Бога, или матеріальный міръ, или даже признавали область и царство зла такой же самостоятельной и абсолютной областью бытія, какъ и самого Бога. Вѣдь и здѣсь въ сущности тоже отнимается у человѣка радость бытія и жизни и въ замѣнъ этого ничего не дается, кромѣ развѣ той мысли, что и Богъ даже безсиленъ передъ зломъ и пожалуй даже подчиненъ ему. Но вѣдь отъ этого человѣку не только не легче дѣлается, и не только онъ не находитъ примиренія со зломъ и смысла его, а теряетъ даже и послѣднюю опору въ борьбѣ съ нимъ, такъ какъ, считая Бога безсильнымъ предъ зломъ, человѣкъ естественно перестаетъ вѣрить и въ силу добра. Вотъ почему на ряду съ этими безотрадными и тяжелыми для жизни человѣка выводами пессимизма нѣкоторые какъ бы намѣренно закрывали глаза на общую картину міровой жизни, утверждали, что настоящій міръ-наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, а что такъ называемое зло міра и жизни зависитъ только отъ ограниченности его,—оттого, что тварныя суще-

ства должны постепенно восходить отъ одной ступени совершенства на высшя, и вотъ на этомъ-то пути къ полному совершенству всякое прежнее сравнительное несовершенство переживается какъ непрятное состояніе, какъ зло и страданіе. Но вѣдь въ такомъ случаѣ, конечно, не будетъ и конца страданіямъ и злу, ибо совершенствованіе человѣка должно быть безконечнымъ, и онъ, значитъ, вѣчно долженъ переживать недовольство и стремленіе къ лучшему и никогда не найдетъ успокоенія. Человѣкъ никогда не можетъ помириться съ этимъ жизненнымъ путемъ своего совершенствованія, въ которомъ онъ какъ бы постоянно долженъ переживать все большія и большія муки рожденія. Человѣкъ напротивъ ищетъ и жаждетъ такого раскрытія и развитія своей жизни, чтобы переживать въ себѣ постоянно радость бытія—отъ сознанія, что онъ оправдываетъ задачу и цѣль своей жизни и восходить отъ силы въ силу въ своихъ нравственныхъ совершенствахъ.

Эту радость бытія и жизни, происходящую отъ сознанія человѣкомъ того, что онъ идетъ путемъ истинной жизни и восходить отъ совершенства къ совершенству и своей жизнью и личностью раскрываетъ въ мірѣ физическомъ и условномъ органическомъ образъ Божественныхъ совершенствъ, и утверждаетъ христіанство. „Сія глаголахъ вамъ,—говорилъ Спаситель своимъ Апостоламъ,—да радость Моя въ васъ будетъ и радость ваша исполнится“ (Іоан. 15, 9—10). А говорилъ онъ тоже о скорбяхъ, искушеніяхъ и страданіяхъ для Апостоловъ и все-таки утверждалъ радость бытія и жизни, а не пессимизмъ и отчаяніе. „И вы,—продолжаетъ Спаситель,—печаль убо имате нынѣ, паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ“ (Іоан. 16, 21). Итакъ, есть, значитъ, возможность чувствовать одновременно и радость бытія и жизни и скорби ея,—есть, слѣдовательно, какой-то просвѣтъ, куда можетъ человѣкъ бодро смотрѣть и среди окружающаго зла, и есть очевидно, такія состоянія духа и такое содержаніе жизни, предъ которыми блѣднѣетъ всякое зло, всякая горечь и страданіе и переживается только радость своего бытія и сознаніе этой радости. Этимъ бодрящимъ душу радостнымъ настроеніемъ жизни, этимъ осмысленнымъ взглядомъ на всѣ скорби жизни и какою-то удивительной примиренностью со всѣмъ

происходящимъ въ жизни нашей и окружающей могутъ примирить и насъ съ жизнью всѣ эти столь дорогіе намъ живые образы Серафимовъ Саровскихъ, Амвросіевъ Оптинскихъ, или созданные творчествомъ великаго писателя образы старца Зосимы и Алеши Карамазова.

А вѣдь ни эти носители радости жизни, ни Самъ источникъ всякой радости—Господь Спаситель—не только не отрицали скорбей, но и прямо утверждали ихъ и считали ихъ неизбѣжными, болѣе того—необходимыми.

Значить, есть въ христіанствѣ примиреніе этихъ двухъ какъ бы несомвѣстныхъ явленій жизни, есть смыслъ этихъ страданій, значить христіанство можетъ и раскрыть тайну, которая искони мучила и мучить человѣчество. Но не тѣмъ раскрываетъ христіанство эту тайну „страды жизни“ человеческой, что признаетъ ее напускной или искусственной: напротивъ, нигдѣ, быть можетъ, не рисуется состояніе всего міра и всей жизни человеческой погруженными во зло настолько мрачными красками, какъ въ Библии,—а тѣмъ, что дѣйствительно объясняетъ происхожденіе всеобщей суеты жизни и томленіе духа и указываетъ ясно, въ чемъ именно человѣкъ долженъ утвердить свою мысль и свою волю, чтобы бодро пройти путь жизни.

Христіанское откровеніе объясняетъ тайну страданій человеческихъ и суеты міра грѣхопадениемъ человеческимъ, черезъ которое зло, зародившееся въ области бытія чисто духовнаго, въ мірѣ ангельскомъ, перенесено было изъ этой надземной сферы и въ область бытія чувственно-духовнаго, въ область жизни человеческой и физическаго міра. А зломъ, которое зародилось въ области духовно-разумнаго, невещественнаго бытія, въ мірѣ ангельскомъ, христіанское откровеніе называетъ не физическія страданія, которыя на самомъ дѣлѣ—не зло, а то ложное незаконное направленіе воли разумныхъ существъ, когда они, отрѣшаясь отъ Бога думаютъ самостоятельно создать свою жизнь внѣ зависимости отъ Бога и въ полномъ отрѣшеніи отъ Него. Зло, говоря кратко и языкомъ святотеческимъ, есть ложная и фальшивая сама по себѣ мысль тварнаго существа о своей якобы самостоятельности, и происходящее отсюда противленіе волѣ Божіей и тому порядку и закону бытія и жизни, ко-

торья положены Богомъ для жизни и дѣятельности каждаго существа въ мірѣ.

Вѣдь всякое созданное существо и всякое тварное бытіе, вызванное къ бытію и жизни волею Божіею и признанное Богомъ „зѣло добрымъ“, постольку можетъ сохранять эту свою первобытную доброту и охранять общую гармонію міровой жизни, поскольку ни на одинъ моментъ своей жизни не выступаетъ изъ предѣловъ того закона бытія и жизни, который ему данъ Творцомъ міра, и ни на одинъ моментъ не теряетъ своей зависимости отъ Бога, въ Которомъ одномъ только онъ имѣетъ опору жизни.

Сознать, что я могу жить и внѣ зависимости отъ Бога и могу строить свою собственную жизнь, руководясь только своей волей,—это значить совсѣмъ отказаться отъ жизни и ввести въ нее полное разстройство и дисгармонію, ибо всякое тварное существо можетъ жить подъ тѣмъ лишь однимъ условіемъ, если будетъ сознать, что творческое слово „да будетъ“ и теперь неизмѣнно дѣйствуетъ во всемъ мірѣ и въ немъ самомъ и должно всегда дѣйствовать для блага всего сущаго.

Грѣхопаденіе ангеловъ и грѣхопаденіе человѣка, внесшее собою зло во всѣ области бытія, какъ духовнаго такъ и матеріальнаго, въ томъ и состояло, что ангелы и люди захотѣли быть самостоятельными носителями своихъ совершенствъ и жизни, порвали свою непосредственную связь съ Богомъ и пошли по пути своей собственной воли. Діаволь, бывший прежде ангеломъ, ослѣпленный своими совершенствами, возмнилъ, что этотъ блескъ совершенства онъ имѣетъ не по благодати творца міра, а въ силу собственного своего могущества, и черезъ это онъ не устоялъ въ истинномъ своемъ бытіи, т. е. въ отношеніи подчиненія Богу, а отдѣлилъ себя отъ Бога во имя своей самостоятельности и независимости. Это-то именно фальшивое сознаніе своей независимости, этотъ призракъ самобытности и извратили въ цѣлой части мірового бытія, именно въ области духовно-разумнаго бытія, истинный законъ жизни и внесли сюда первое явленіе зла и страданій, которыя всегда переживаются и воспринимаются сознаніемъ человѣка, какъ нарушеніе гармоніи жизни, а гдѣ нарушеніе истины и гармоніи, тамъ и страданія. И зло, поэтому, ни что иное, какъ

воля разумнаго существа, дѣйствующая въ направленіи противоположномъ волѣ Божіей и независимо отъ нея. Грѣхопаденіе нашихъ прародителей было только дальнѣйшимъ распространеніемъ этого зла: стремленія жить независимо отъ Бога—изъ области чисто духовной въ область міра тѣлесно-духовнаго.

Библейскій рассказъ о грѣхопаденіи прародителей, какъ причинѣ зла и страданій въ мірѣ, въ отличіе отъ философскихъ ученій, поражаетъ насъ удивительною простотою, такъ что невѣрующая мысль признаетъ его насмѣшливо простой сказкой или мнѳомъ. Рассказъ этотъ всѣмъ извѣстенъ съ дѣтства, всѣ знаютъ, что прародители наши нарушили заповѣдь Божию о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла, и за это ослушаніе Господь изгналъ ихъ изъ рая, осудивъ ихъ и всю тварь на суету, страданія скорби и смерть. Повидимому такія ужасныя слѣдствія, какъ общее страданіе міра, далеко не соотвѣтствуютъ вызвавшей ихъ причинѣ, и библейское объясненіе тайны міроваго зла представляется очень наивнымъ. Но въ томъ-то и заключается достоинство и превосходство высшей мудрости, что она умѣетъ просто объяснять глубокія тайны.

Да и такъ ли наивно библейское объясненіе тайны грѣха и страданій человѣческихъ, какъ это кажется объюродѣвшей премудрости человѣческой? Вѣдь мы уже сказали, что благо всякаго тварнаго существа состоитъ въ томъ, чтобы въ своей жизни раскрывать вложенный въ него Творцомъ законъ жизни. Всѣ стихіи видимаго міра доколѣ сохраняютъ общую гармонію жизни, доколѣ они не нарушаютъ своихъ собственныхъ предѣловъ и законовъ дѣятельности, доколѣ исполняютъ выраженную въ этихъ законахъ общую для бытія всего міра волю Божию и доколѣ держатся ея. Неразумныя стихіи и не могутъ сами уклоняться отъ дѣятельности по своимъ законамъ, если кто-либо другой ихъ не выведетъ. Другое нужно сказать о тваряхъ разумныхъ и свободныхъ. Въ томъ-то и состоитъ высшее благо разума и свободы, чтобы не слѣпо и безсознательно исполнять законы своей жизни, а свободно и сознательно раскрывать въ своей жизни ту истину и тотъ смыслъ своего бытія, ради котораго создано свободно-разумное существо. Вѣдь и мы всегда болѣе цѣнимъ свободное и охотное исполненіе добра, а не

принужденное и насильственное. Человѣкъ долженъ былъ по идеѣ творенія являть на землѣ свою жизнь и дѣятельностью начала жизни богоподобной, долженъ былъ низводить на землю и являть чрезъ себя среди неразумной твари Божіей разумъ и Божію волю, долженъ былъ какъ бы проникать эту неразумную природу началами духовной жизни и чрезъ себя возводить ее къ Богу. Но своему двоякому составу человѣкъ дѣйствительно могъ быть связующимъ звеномъ между міромъ видимымъ и духовнымъ, ибо по тѣлу онъ принадлежалъ ко внѣшнему міру, а въ разумъ и свободу заключалъ отобразъ Божества и носилъ явные знаки своей непосредственной связи съ Богомъ. Эта связь человека съ Богомъ должна быть вѣчной, такъ какъ только при этомъ условіи со стороны человека и внѣшній міръ, хотя и чрезъ посредство человека, могъ какъ бы озаряться и оживляться свѣтомъ и силой Божества. Человѣкъ, если онъ хотѣлъ являть собою въ мірѣ жизнь богоподобную, конечно ни на одно мгновеніе не долженъ былъ своимъ разумомъ и свободой отдѣляться отъ Бога, а вѣчно долженъ былъ переводить волю Божію въ свою волю и ею опредѣляться къ дѣятельности, а не собственной волей. Но это опредѣленіе себя самого въ жизни только волей Божіей должно быть исполнено свободнымъ и добровольнымъ, и вотъ для этого именно Господь и далъ людямъ заповѣдь о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла. Конечно воля Божія могла выразиться и въ другой какой-нибудь заповѣди, болѣе или менѣе трудной, но только непременно должна была въ чемъ-нибудь выразиться, такъ какъ только при этомъ одномъ условіи человѣкъ могъ избрать или жизнь по волѣ Божіей, или отдѣлится отъ нея и жить уже по своей волѣ, т. е. совершенно уже сознательно и свободно идти путемъ богоуподобленія, какъ единственнымъ истиннымъ путемъ своей жизни, или идти путемъ самозаконія, раскрывать свою дѣятельность какъ бы независимо отъ Бога.

Человѣкъ избралъ послѣдній путь, т. е. не захотѣлъ быть подобнымъ Богу, а захотѣлъ быть равнымъ Ему, какъ ему общалъ діаволь, и съ этой лукавой надеждой отвергъ заповѣдь Божію, а вмѣстѣ и волю Божію, какъ законъ своей истинной жизни, и утвердилъ свою собственную волю и самъ захотѣлъ сдѣлаться самостоятельнымъ носителемъ и строи-

телемъ своей личной жизни. Въ данномъ случаѣ и съ человѣкомъ произошло и повторилось то же самое, что произошло и съ діаволомъ, т. е. тотъ и другой отдѣлили себя добровольно отъ Бога и чрезъ это разстроили общую гармонію бытія, которая должна была поддерживаться всеобщей зависимостью отъ Бога.

Итакъ, грѣхъ перваго человѣка явился дѣйствительнымъ зломъ и гибелью для него, и въ разсмотрѣніи библейскаго разсказа о грѣхопадении нужно останавливаться не на внѣшней только исторіи его, а на внутренней сторонѣ смысла заповѣди и еще на той внутренней сторонѣ духовныхъ настроеній воли и разума человѣка, которая выразилась въ нарушеніи заповѣди.

Когда человѣкъ волею и мыслию по соблазну діавола уже отступилъ отъ Бога, захотѣлъ быть равнымъ Ему и самостоятельнымъ носителемъ своей жизни, онъ началъ эту свою самостоятельную дѣятельность ничѣмъ инымъ, какъ угожденіемъ чувственности:—вкусеніемъ плода запрещеннаго дерева. „И видѣ жена, яко добро древо въ свѣдѣ, и яко угодно есть очима видѣти, и красно есть еже разумѣти, и взявши отъ плода его яде“, говоритъ слово Божіе, описывая фактъ грѣхопадения и тѣ внутреннія мотивы чисто животнаго свойства, которые руководили и которые проснулись сразу въ человѣкѣ послѣ преступнаго намѣренія отступить отъ воли Божіей и охлажденія любви и довѣрія къ нему.

Какимъ образомъ первый же шагъ свободной и самостоятельной дѣятельности человѣка, не хотѣвшаго жить по-божьи, былъ угожденіемъ чувственности, угожденіемъ тѣлеснымъ влеченіемъ, которымъ человѣкъ въ первомъ же своемъ актѣ свободной и самостоятельной дѣятельности придалъ какъ бы первенствующее значеніе и поставилъ ихъ даже выше духовныхъ, тогда какъ по идеалу жизни духъ долженъ былъ господствовать надъ тѣломъ и подчинять его себѣ, какъ орудіе дѣятельности? Но это господство духа надъ тѣломъ могло быть только тогда, когда духъ человѣка самъ какъ-бы держался за Бога и чрезъ это занималъ должное свое положеніе. Отступивши же отъ Бога и отъ своего истиннаго закона и направленія жизни, онъ естественно долженъ былъ подпасть въ рабство иному закону—„закону плоти и грѣха“, которые (плоть и грѣхъ) прежде были без-

сильны противъ него, а теперь получили силу и господство. Это господство чувственности и плоти явилось и является для падшаго человѣка обычной стихіей и характернымъ содержаніемъ его жизни и вмѣстѣ съ этимъ является и какъ бы проклятіемъ жизни и ужаснымъ бременемъ, такъ что даже такіе великіе силою Божіей люди, какъ Ап. Павелъ, съ отчаяніемъ взывали: „окаянный азъ человѣкъ, кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“

Главное зло въ жизни падшаго человѣка въ томъ и состоитъ, что онъ внутри себя носить постоянный разладъ и вражду, ибо духъ человѣка, отрѣшенный его собственной волей отъ Бога, все-же томится и жаждетъ богоподобной жизни, какъ истинной своей жизни, но воля человѣка не только свела его съ высоты богоподобія, но и придала господствующее значеніе тѣлеснымъ потребностямъ человѣка. Такъ, эти двоякія стремленія человѣка—духовныя и тѣлесныя—влекутъ человѣка каждое на свой путь, и человѣкъ силою перваго своего грѣха принужденъ волею или неволею подчиняться этимъ послѣднимъ стремленіямъ плоти. И ему необходима снова Божественная сила, чтобы освободиться отъ этого плѣна плоти. Хорошо выражаетъ это мучительное безсиліе падшаго человѣка къ добру и страшный разладъ внутри его Ап. Павелъ, когда говоритъ: „желаніе добра есть во мнѣ, и по внутреннему человѣку я нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но я плотянь, проданъ грѣху: добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Когда хочу дѣлать добро, мнѣ прилежитъ зло, ибо въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противовоющій закону моего ума и плѣняющій меня закономъ грѣха“. (Р. 7, 18—23).

И дѣйствительно въ жизни падшаго человѣка чувственность и служеніе ей рѣшительно заявляютъ себя на протяжении всей міровой исторіи. И зло, въ смыслѣ грѣха, какъ уклоненія отъ Бога, получило въ исторіи міровой жизни два направленія и выражалось всегда, съ одной стороны въ развитіи духовной гордости, съ другой—въ развитіи чувственности, доводящей человѣка до скотоподобія. Правда, гордость и чувственность въ жизни человѣческой неодолимы, и развиваются совместно и поддерживаютъ одна другую. Такъ дѣйствительно и было: гордый духъ падшаго человѣка, отрѣшенный отъ Бога, забылъ его, а отсюда и жизнь

человѣка такъ растлилась, что Господь смылъ позоръ этой жизни потопомъ. Человѣкъ уже не только не являлъ на землѣ началъ жизни богоподобной, но и самъ сдѣлался хуже твари. То же почти господство чувственности и потери живой связи съ Богомъ повторились и въ культурныхъ странахъ дохристіанскаго язычества. Ибо чѣмъ же томилось и мучилось это язычество, какъ не тоской по идеалу жизни? Вѣдь заглушить окончательно потребности духа невозможно. И если всмотрѣться внимательно въ культурный прогрессъ всего человѣчества, то по тѣмъ приступамъ и настроеніямъ, которыми онъ проникнутъ, онъ и теперь нисколько не двинулся впередъ и нисколько не пересоздалъ жизнь къ лучшему, ибо все здѣсь направлено къ тому, чтобы создать только наилучшія условія для своего благополучія, и человѣкъ по прежнему остается рабомъ своей плоти. Въ этомъ отношеніи очень хорошо охарактеризовалъ жизнь человѣческую одинъ древній мудрецъ, который предалъ сердце свое тому, чтобы изслѣдовать и испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ, и вотъ онъ нашель, что все суета и томленіе духа. „Что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ,“—говорилъ этотъ мудрецъ.

И дѣйствительно, на томъ пути жизни, которымъ идетъ падшее человѣчество, оно и не можетъ создать дѣйствительно ничего новаго и истинно цѣннаго, ибо весь трудъ человѣка и вся его работа вѣчно опредѣляется только страхомъ смерти и заботой въ поискахъ блага жизни, но все-таки человѣкъ ни смерти не избѣгаетъ, ни блага жизни не находитъ, ибо ищетъ его на пути разрушенія своей истинной жизни и ищетъ опоры въ томъ, что само условно и скоропреходяще. И сколько-бы человѣкъ ни трудился, сколько бы онъ ни полагалъ силъ духа на отысканіе внѣшняго блага жизни, онъ никогда не можетъ найти на этомъ пути покоя,—съ одной стороны потому, что та внѣшняя среда жизни, въ которой живетъ человѣкъ, носитъ на себѣ иго проклятія Божія и разстройства, а съ другой стороны и человѣкъ носить внутри себя постоянный источникъ мученій, ибо вѣдь, устрояя свою жизнь по закону только тѣлеснаго существованія, человѣкъ однако сознаетъ себя не плотію только и животнымъ организмомъ, а и духомъ. Ему поэтому нужно

удовлетвореніе не тѣлесныхъ только потребностей, а и духовныхъ, и при томъ удовлетвореніе полное, а это удовлетвореніе возможно только въ Богѣ. И несомнѣнно, въ чисто воспитательныхъ и благихъ цѣляхъ обрекъ Господь всю тварь, по паденіи человѣка, на суету и томленіе,—съ той цѣлю, чтобы человѣкъ позналъ горькимъ опытомъ жизни невозможность найти покой и благо въ этой общей суетѣ, и обезсиленный въ тщетной борьбѣ съ стихіями міра, носящими слѣды Божія осужденія, самъ уже отвратился отъ нихъ и възыскалъ Бога.

Слезы нужны человѣку въ земной его жизни: трудъ, болѣзни, печаль и воздыханія составляютъ безъ всякаго ограниченія то средство, которымъ грѣхи и зло въ родѣ человѣческомъ не заходятъ еще въ предѣлы чисто сатанинскаго озлобленія; слезы нужны человѣку, ибо онѣ размывають собою туманъ и призракъ человѣческой самодовлеемости, обнажаютъ смертоносный покровъ похоти плоти, очесъ и житейской гордости. Разрѣшите человѣка отъ слезъ, отъ труда и болѣзней, возьмите самую смерть отъ земли и предоставьте человѣка только самому себѣ,—и вы увидите въ человѣкѣ такое чудовище, страшное и жалкое вмѣстѣ, образъ котораго трудно и представить. Что, въ самомъ дѣлѣ, было бы тогда съ человѣкомъ?

Сперва, конечно, Человѣкъ уныетъ похотью, дойдетъ въ ней до утонченности, изобрѣтетъ новыя и новыя виды ея, а все-таки эта похоть будетъ для человѣка имѣть конецъ, должны начаться или новыя изобрѣтенія или ея повтореніе. Но докуда-же будетъ это? Тогда люди, вѣроятно, въ безсмертіи своемъ сами пожелаютъ смерти, какъ верховнаго блага, чтобы только прекратить эту позорную жизнь.

Можетъ быть покажется непонятнымъ и страннымъ: за что же Господь отдалъ подъ суету и проклятіе вѣшную природу, когда виновенъ былъ одинъ только человѣкъ? Но вѣдь это разстройство и проклятіе вѣшней природы по слову Божію—только „въ дѣлѣхъ человѣка“, а не въ самой себѣ, а воздыханіе ея и болѣзнованіе такъ же должны быть естественны, какъ разстройство и замѣшательство въ дѣйствованіи какой-нибудь сложной машины, когда въ нее прекращенъ нормальный доступъ или притокъ той энергіи, которой она движется.

Самъ человѣкъ и связанный съ нимъ ви́шній міръ отдѣлились по винѣ человѣка отъ Бога, и ни тотъ ни другой не могутъ жить нормальной и истинной жизнью. А такъ какъ изъ всѣхъ видимыхъ тварей одинъ только человѣкъ можетъ сознать эту суету и ненормальность такой жизни, то его жизнь и является по преимуществу страдою и томленіемъ духа. И если бы не было для человѣка указано какого-либо выхода и примиренія съ этою суетою, то всякому, конечно, осталось бы только сказать то же, что говоритъ Экклизіастъ: „и возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны мнѣ стали дѣла, которыя подъ солнцемъ, и возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потому что долженъ его оставить человѣку, который будетъ послѣ меня. И что будетъ человѣкъ имѣть отъ всего труда своего, всѣ дни его скорбь и труды его безпокойство, даже и ночью сердце его не знаетъ покоя, ибо все суета и томленіе“.

Христіанство однако не допускаетъ человѣка до такого мрачнаго вывода изъ наблюденій жизни, и тотъ же самый библейскій мудрецъ, слова котораго сейчасъ только приведены, указываетъ и объясненіе этой суеты жизни и выходъ изъ нея. „Я нашель,—говоритъ этотъ мудрецъ, обзрѣвая суету міра,—что Богъ сотворилъ человѣка правымъ, а люди пустились во многіе помыслы,“ т. е. сами люди исказили свою жизнь, такъ какъ вмѣсто мысли о единомъ Богѣ и вмѣсто исканія его, измыслили себѣ новыя пожеланія и заботы, и вотъ, если кто желаетъ снова утвердиться въ истинѣ бытія и жизни, то выслушай что необходимо: „бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, ибо въ этомъ все для человѣка“.

Такимъ образомъ, Божественное откровеніе, объясняя тайну грѣха и страданій человѣческихъ и страды всего міра, причину ихъ указываетъ въ самомъ человѣкѣ, въ его грѣхопадении, которое положило какъ бы бездну раздѣленія между нимъ и Богомъ и отдало человѣка во власть діавола.

Объясняетъ ли достаточно эту тайну грѣха и страданій библейское повѣствованіе о грѣхопадении человѣка и ангеловъ и выражаетъ ли оно истину—это дѣло совѣсти cadaго, а мы считаемъ нужнымъ сказать, что въ преданіи всѣхъ языческихъ народовъ потеря человѣкомъ блаженства или

такъ называемый „золотой вѣкъ“ представляется буквально въ такихъ же чертахъ, какъ и въ библіи.

Такъ, наиримѣръ, на одномъ изъ вавилонскихъ памятниковъ сохранилось изображеніе такого рода: мужчина и женщина сидятъ другъ противъ друга по обоимъ сторонамъ дерева, на нижнихъ вѣтвяхъ котораго свѣсились два большихъ плода. Фигуры этихъ людей изображены съ руками, протянутыми къ этимъ плодамъ, позади одной изъ человѣческихъ фигуръ, именно женской, стоитъ вертикальная линия, напоминающая фигуру змія. Этотъ рисунокъ не нуждается ни въ какомъ объясненіи и явно служитъ изображеніемъ библейскаго разсказа о грѣхопаденіи. Въ тѣхъ же вавилонскихъ преданіяхъ часто упоминается „о древѣ жизни“, объ особенномъ садѣ, гдѣ жилъ человѣкъ, о томъ, что этотъ садъ охранялся мечемъ, вращавшимся во все стороны,—явно здѣсь напоминаніе о библейскомъ разсказѣ. То же самое почти повторяется и въ Финикійскихъ преданіяхъ, въ египетскихъ и персидскихъ и въ мифологіи грековъ и римлянъ.

Это поразительное согласіе преданій древнихъ народовъ о грѣхопаденіи человѣка съ библіей явно утверждаетъ истинность библейскаго сказанія и показываетъ, что человѣкъ, если онъ желаетъ разрѣшить мучительную для него тайну страданій жизни, долженъ искать разрѣшенія въ Божественномъ откровеніи. Это тѣмъ болѣе, что Божественное откровеніе, объясняя причину страданій жизни, не оставляетъ человѣка только въ сознаніи неизбѣжности зла, а даетъ ему и надежду на спасеніе, указываетъ на отраду и радость бытія въ Богѣ и съ Нимъ.]

Это и есть попреимуществу тайна креста Христова.

Въ тайнѣ искупленія человѣка отъ грѣха, проклятія и смерти крестомъ Сына Божія христіанство раскрываетъ тайну претворенія страды жизни, ея суеты и томленія во благо жизни. И Церковь Христова давно уже проповѣдала въ лицѣ Господа „обновленіе жизни“, объявила уже наступившимъ „лѣто Господне пріятно“ и даже болѣе: положительно утвердила, что это уже сбылось во очію людей (Лук. 4, 19—21). Правда, наличный опытъ жизни человѣческой—и въ исторіи цѣлыхъ христіанскихъ народовъ, и въ сферѣ дѣятельности отдѣльнаго человѣка, разительно ясно однако

утверждаютъ, что „лѣта пріятна“ все еще приходится только страстно ждать и искать, и искупленный человѣкъ, повѣрившій словамъ Господа: „приндите ко Мнѣ вси...“, все-таки, какъ мы сами знаемъ, страдаетъ и долженъ даже, по словамъ Господа, страдать непременно. Слово Христовой проповѣди и слово Евангельскаго ученія есть даже слово преимуществу о страданіяхъ и скорбяхъ, есть слово наипаче о крестѣ Христовомъ и о Христѣ распятомъ.

Можетъ-ли же человѣкъ въ христіанскомъ освѣщеніи смысла жизни изъ цѣлаго круга тѣхъ идей и понятій, которыми обогатило его мысль христіанское откровеніе, найти нѣчто такое, что сдѣлало бы для него страданія, если ужъ не удобопріемлемыми безъ внутренняго протеста чувства, то хотя подвигомъ во имя какой либо высшей цѣли, достаточной для ихъ оправданія и примиренія съ ними? Несомнѣнно можетъ.

Въ христіанствѣ есть несомнѣнно нѣчто отрадное, есть нѣчто такое, что заставляло Апостола кровію свидѣтельствовать правду тѣхъ своихъ словъ, что онъ желаетъ и можетъ хвалиться ничѣмъ инымъ, какъ только крестомъ Христовымъ, т. е. страданіями и смертію своего великаго Учителя, и что слово о крестѣ и самый крестъ есть воистину сила во спасеніе всякому человѣку, увѣровавшему въ этотъ крестъ. Не можетъ быть, чтобы слова того-же Апостола, что мы христіане хвалимся скорбями, что и самъ онъ желаетъ хвалиться только немощами своими, есть слова болѣзненно извращеннаго религіознаго чувства. Не можетъ быть, чтобы сонмъ мучениковъ тоже являлъ собой что-то болѣзненное и извращенное.

Исно, что и самъ Христосъ и Его Апостолы, хотя и утверждаютъ страданія жизни, но придаютъ имъ какой-то особый, высшій смыслъ и заставляютъ человѣка находить въ нихъ этотъ высшій смыслъ, находить въ нихъ какую-то высшую правду и въ этихъ самыхъ страданіяхъ искать пути къ лучшей жизни.

Такъ именно это и должно быть для насъ, званыхъ ко Христу, и всякое другое отношеніе къ страданіямъ и обычное пониманіе ихъ только представитъ намъ жалкимъ христіанское ученіе. Не соблазнъ и не безуміе, подобно невѣрнымъ язычникамъ и іудеямъ, должны мы находить въ этомъ

а дѣйствительно высшую силу и высшую премудрость. Правда, тайна нашего спасенія, премудрость и тайна нашего блага и обновленія жизни скрыта была и недоступна даже высшему уму ангельскому, но теперь, когда она совершилась, можно ли сказать, что для насъ она по прежнему сокрыта? можно ли сказать, что хотя часть завѣсы надъ этой тайной не поднята? Если такъ, то мы несчастіе всѣхъ человѣкъ, ибо оставивъ свой разумъ и мудрость и воспріявъ умъ Христовъ, все-таки блуждаемъ во мракѣ и невѣдѣніи.

Только намѣренное и произвольное ослѣпленіе можетъ утверждать, что завѣса не поднята надъ тайной всей міровой скорби и суеты. Поднята эта завѣса и надъ тайной нашихъ страданій, открытъ въ христіанствѣ и ихъ источникъ и конечная цѣль, равно какъ указано и то отношеніе къ нимъ, та точка зрѣнія, при которой они и воспринимаются и переносятся не какъ иго безсмыслія и безцѣльной тяготы, а даже какъ иго благое, какъ торжество духа и величіе человѣка. Можетъ быть тѣмъ самымъ и мучится человѣкъ, тѣмъ онъ и погрѣшаетъ въ вопросѣ о страданіяхъ жизни, что борется и отрицаетъ то, что неизбежно, чего по самому существу дѣла при наличныхъ условіяхъ жизни нельзя отрицать—разумѣемъ эти самыя страданія. А христіанство, можетъ быть, тѣмъ и открываетъ тайну страданій что, указывая принципиально ихъ источникъ и главнымъ образомъ внутренній—въ природѣ духовной человѣка, заставляетъ въ то же время проще смотрѣть на нихъ и относиться къ нимъ проще въ опытѣ наличной жизни: оно заставляетъ сознательно принять ихъ, какъ дѣйствительно неизбежный законъ жизни въ ея наличныхъ условіяхъ, а не отвращаться и бѣгать отъ нихъ, заставляетъ при этомъ принять ихъ не ради ихъ самихъ только, а ради высшей любви, непременно ради любви—или къ Богу, или ближнему.

Вотъ этого именно смысла страданій и этого отношенія къ нимъ, что они должны быть добровольнымъ подвигомъ самоотверженной любви, непременно вольнымъ подвигомъ и подвигомъ именно высшей любви и высшихъ благородныхъ началъ жизни человѣческой, и не можетъ и не хочетъ признать міръ, ибо онъ привыкъ любить только себя и любовью больше плоти и сластолюбія, любовью къ тѣмъ вѣшнимъ явленіямъ наличной жизни, которыя составляютъ пріятный міражъ его

жизни. Эта мысль, которую мы хотимъ утвердить, какъ чисто христіанскую, по вопросамъ о страданіяхъ жизни, думается, имѣеть за себя весь наличный опытъ самого-же человѣка и тысячи отдѣльныхъ примѣровъ для подтвержденія; не чужда она и чисто психологической правды. Что въ самомъ дѣлѣ въ обычной жизни—общественной и частной, побуждаетъ людей идти на страданія, воспринимать ихъ цѣликомъ и не только не тяготиться ими, но находить въ нихъ высшій смыслъ, высшую свою гордость и торжество духа своего? Да опять та же любовь: къ отечеству-ли, къ идеѣ-ли, къ роднымъ, къ богатству-ли даже, или къ чему-либо иному,—та именно высшая въ природѣ человѣка сила, которая ставитъ человѣка на пьедесталъ свободнаго дѣятеля и творца жизни. Такъ, значитъ, и въ обычной жизни на каждомъ почти шагу мы можемъ видѣть, что любовь и свобода осмысливаютъ страданія, даютъ имъ иной характеръ и высшую цѣну; мало того, эти самыя страданія, какъ подвигъ свободы и любви, переходятъ въ исторію, дѣлаются достояніемъ человѣчества и предметомъ или просто удивленія или даже преклоненія.

Этотъ, вотъ, именно законъ отношенія къ страданіямъ и хочетъ утвердить христіанство въ качествѣ общаго принципа отношеній къ страданіямъ и говорить, что это единственно истинный законъ въ наличныхъ условіяхъ жизни, осмысливающей эти страданія и открывающей въ нихъ высшую правду и свѣтъ, именно законъ добровольнаго свободнаго воспріятія всей тяготы жизни, всѣхъ страданій ея во имя высшей любви. Правда, кажется, не всѣ могутъ такъ страдать, не всѣ могутъ и воспринимать страданія жизни по этому именно закону, ибо есть страданія, которыя особенно кажутся странными, надъ разгадкой которыхъ мучились даже лучшіе и чисто-христіански настроенные великіе умы, какъ Достоевскій,—это страданія дѣтей. Ужь дѣти-то никакъ, конечно, не могутъ осмыслить и примириться со страданіями по тому закону отношенія къ нимъ, какой указываетъ христіанство, по той простой причинѣ, что яснаго сознанія свободы своей личности и самоопредѣленной любви у нихъ еще нѣтъ. Но, вѣдь, въ томъ круговоротѣ скорбей и страданій и слишкомъ сложной спутанности и цѣпи причинъ и слѣдствій, изъ которыхъ слагается жизнь, трудно

безъ высшаго проникновенія въ жизнь разобратъся въ этой спутанности, трудно сразу и понять эти страданія невинныхъ дѣтей.

Чѣмъ собственно эти страданія дѣтей, чѣмъ они обуславливаются, что они вызываютъ въ насъ и должны бы вызывать,—вотъ въ этомъ прежде всего нужно разобратъся. И потомъ тамъ, гдѣ на ряду со страданіями есть и должно быть состраданіе, и тамъ, куда необходимо внести высшій нравственный смыслъ и оцѣнку, тамъ, конечно, все получить должно освѣщеніе и свое мѣсто. Такъ и страданія дѣтей, гдѣ нѣтъ еще и не можетъ быть подвига свободы и высшей любви со стороны самихъ дѣтей, можетъ быть получать смыслъ и откроютъ свою тайну, если по крайней мѣрѣ тѣ, кому дано благо свободнаго творчества своей жизни во имя любви, поставятъ это неизмѣннымъ закономъ своей личной жизни.

А жизнь ясно говоритъ намъ въ живыхъ примѣрахъ, какъ звучатъ эти самыя страданія въ личной жизни тѣхъ, кто воспріялъ ихъ въ качествѣ свободнаго подвига ради высшей любви. Что можно сказать о настроеніи духа Апостола Павла, когда онъ открыто говоритъ: „благоволю въ немощахъ, въ досажденіяхъ, въ скорбѣхъ и темницахъ.., мнѣ умереть—пріобрѣтєвіе“? Не раскрыта-ли теперь эта тайна и смыслъ страданій въ жизни цѣлаго сонма мучениковъ, исповѣдниковъ, преподобныхъ и всякаго рода подвижниковъ? Нераскрыта ли она во всѣхъ этихъ словахъ апостола: „всякую радость имѣйте, егда впадаете во искушенія, всегда радуйтєся, непрестанно о всѣмъ благодарите“ и т. п.

Вотъ почему Христось и сказалъ, что каждому нужно не бѣгать страданій и не заглушать ихъ путемъ искусственно создаемаго миража яко-бы благъ жизни, а нужно каждому взять на себя вольною волею крестъ своей жизни и слѣдовать за Нимъ именно, т. е. по пути добровольнаго, свободнаго воспріятія и несенія страданій ради высшей любви.

Но еще вопросъ: есть-ли какая-нибудь возможность такъ воспринять въ свою личную жизнь страданія, какъ учить христіанство, т. е. какъ свободный и сознательный подвигъ жизни во имя любви и во имя нравственнаго совершенствованія? Разумѣемъ возможность, конечно психологическую, которая одна только въ данномъ случаѣ и имѣетъ значеніе.

Такая возможность несомнѣнно есть и заключается она въ

томъ внутреннемъ духовномъ настроеніи человѣка, которое можно опредѣлить, какъ сознаніе своей виновности предъ Богомъ. Даже, вѣдь, обычная психологія преступниковъ, раскаявшихся и сознавшихъ свой грѣхъ и преступленіе, такова, что непременно хочется страдать. Есть въ человѣкѣ какая-то внутренняя потребность выстрадать за совершенное преступленіе самое право на новую чистую человѣческую жизнь, и эти уже чисто добровольныя муки и страданія воспринимаются не столько, какъ тяжесть и тѣмъ болѣе не безсмысленное мщеніе правосудія, а какъ бы только законныя муки новаго духовнаго рожденія, и въ отношеніи къ нимъ не только чувствуется примиренность, но и благодарность. Нѣтъ ничего кажется тяжелѣе, какъ жить на положеніи только прощенного преступника и грѣшника; хочется непременно выстрадать законное право на жизнь. Это—психологическое требованіе самой природы человѣка, когда въ ней просыпается совѣсть и истинная человѣчность, и едва-ли это можно относить только на счетъ самолюбія и гордости. Здѣсь выражается то самое, что Псалмопѣвецъ выразилъ въ словахъ: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“, или Ап. Павелъ, когда говорилъ: „благоволю въ немощахъ, въ изгнаніяхъ, въ скорбяхъ“, ибо поскольку внѣшній человѣкъ тлѣетъ, постольку внутренній обновляется, а по сему и самая смерть—величайшее изъ золъ—является даже пріобрѣтеніемъ.

Это значеніе страданій и добровольное, даже радостное пріятіе ихъ, сознаніе необходимости добровольно пострадать за преступленіе, особенно хорошо выражено у Достоевскаго; припомните бесѣды Сони Мармеладовой съ Раскольниковымъ и тотъ процессъ нравственнаго возрожденія, который пережилъ Раскольниковъ, понявши наконецъ смыслъ страданій. А вѣдь въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія или, лучше сказать, въ сферѣ христіанскаго настроенія и живой вѣры, если кому даетъ ее Господь, мы всѣ мыслимы и можемъ чувствовать себя преступниками за зло и страданія, какъ извратители Божьяго порядка и закона о нашей жизни, виновные въ этомъ извращеніи и какъ бы убійствѣ Богоподобія не только въ праотцѣ своемъ, но и въ личной жизни своей, разрушающей дѣло Божіе и Его царство и создающей царство діавола. Вотъ почему христі-

анская жизнь и должна начинаться съ покаянія и слезъ, какъ признанія грѣха и своей виновности предъ Богомъ. Припомнимъ проповѣдь Предтечи, Христа Спасителя, которой они начали дѣло благовѣстія, и опытъ подвига жизни всѣхъ носителей христіанской жизни. Это есть первое дѣло даже болѣе благодати Божіей, нежели собственныхъ усилій человѣка. Но зато гдѣ оно есть и кто въ христіанствѣ находитъ это какъ бы прозрѣніе и воспріятіе въ чувствѣ того, что выражено въ догматѣ о добровольномъ грѣхопадѣніи человѣка, для того тайна страданій дѣлается не только понятна, но и является возможность осмыслить эти страданія, примириться съ ними и воспринять ихъ, какъ подвигъ нравственнаго возрожденія въ чувствѣ свободной любви къ Богу и Христу, страдавшему за насъ—преступниковъ и грѣшниковъ.

Такъ, въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія, или лучше—въ сферѣ христіанскаго настроенія, воспринимающаго Христіанство не какъ систему мысли, а какъ жизнь, опредѣляется и причина страданій и зла, и смыслъ ихъ, и возможность не только примиренія съ ними, но даже то, о чемъ внѣ христіанства и подумать нельзя:—похваленіе скорбями. Тамъ, внѣ христіанства, въ отношеніи къ страданіямъ—или отчаяніе и пессимизмъ, или проклятіе жизни по невольности и неизбѣжности страданій, или пошлая попытка заглушить ихъ распутствомъ жизни. Въ этомъ отношеніи фактъ примиренности со страданіями, какую даетъ намъ христіанская жизнь,—фактъ, засвидѣтельствованный опытомъ, есть явленіе исключительное въ своемъ родѣ, и въ рѣшеніи вопроса о страданіяхъ нужно отправляться по преимуществу отъ этого исключительнаго факта. Скажемъ прямо въ заключеніе, что помимо христіанскаго признанія или, вѣрнѣе,—внѣ сферы живой христіанской вѣры, внутренняго настроенія и опыта вѣрующей личности, вопросъ о злѣ и страданіяхъ не разрѣшимъ съ благоприятными выводами для человѣческаго ума, и примириться съ ними не возможно. Пусть говорятъ (а это говорятъ), что христіанскій Богъ слишкомъ жестокъ, что никто такъ не бьетъ человѣка, какъ Онъ: мы можемъ на это сказать, что радость жизни, получаемая муками рожденія, дороже этихъ скорбей, а это рожденіе и жизнь и даетъ нашъ Богъ—и только Онъ одинъ.

Итакъ по вопросу о страданіяхъ можно сказать слѣдующее:

1) Проблема зла и страданій есть вѣковая проблема человечества, безъ рѣшенія ея исторія человечества не имѣетъ смысла, да и самая жизнь разумно не возможна.

2) Единственно удовлетворительное рѣшеніе этой проблемы дается въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія.

3) Зло и страданія есть состояніе искаженнаго порядка жизни, и виновникъ этого искаженія въ земной жизни—самъ человѣкъ; при этомъ понятіе зла и страданій вовсе не однозначуши: зло-понятіе чисто моральное, а страданія сами по себѣ—въ области понятій добра и зла, хотя и могутъ быть причиной добра и зла въ зависимости отъ воли человѣка.

4) Нужно сознать себя виновными и преступными предъ Богомъ за зло и страданія жизни и въ чувствѣ этой виновности воспріять эти страданія въ добровольный подвигъ своей жизни. Тайна креста Христова и благодати его въ томъ и заключается, что сильна создать подобное настроеніе, и не только примирить и осмыслить страданія, но и сдѣлать ихъ источникомъ радости. Это показываетъ живой опытъ всѣхъ носителей правды Христовой. Внутренній опытъ живой вѣрующей личности и есть та единственная сфера, въ которой совершается и рѣшеніе вопроса о страданіяхъ и примиреніе съ ними. Такъ опять и здѣсь, какъ и вездѣ, что касается нашей жизни, открывается тайна личности человѣческой, какъ силы претворяющей самую жизнь, и ясно, что человѣкъ долженъ сознать, что съ периферіи жизни, съ внѣшней окружности ея, онъ долженъ обратиться внутрь себя и здѣсь искать блага и радости жизни,—здѣсь же кроется и отрицаніе ихъ. А слово о крестѣ Христовомъ, какъ о вольно подъятомъ подвигѣ Христа ради высшей любви, вѣщаетъ намъ не юродство и безуміе жизни, а высшую мудрость легкаго несенія жизненныхъ скорбей, и слово это, сіяя надъ нами свѣтомъ высшаго смысла жизни и силою живой сострадательной и самоотверженной любви къ Богу и ближнему, можетъ сказать намъ: почему же „лѣто пріятно“ еще не наступило, можетъ указать и путь къ нему, да и указываетъ его. Вопросъ о вѣчности мученій, смущающій человѣка даже и въ системѣ христіанскаго вѣроученія, есть

во всякомъ случаѣ дѣло не ума нашего, связаннаго категоріями времени и самую вѣчность понимающаго несомнѣнно подъ точкой зрѣнія категорій времени и пространства.

Намъ кажется достаточно ясно указано, какъ рѣшить этотъ вопросъ практически въ приложеніи къ себѣ, т. е. какъ избѣжать этой вѣчности мученій и снять съ Бога вину жестокости по отношенію къ яамъ самимъ; попытка рѣшить этотъ вопросъ въ приложеніи къ бытію вообще или въ отношеніи къ иному бытію—съ цѣлію даже какъ бы оправдать Бога въ планахъ творенія, есть уже дерзновенное навязываніе Божіему уму своихъ плановъ и положеній богословствующаго нашего ума и данныя только нашей догматики выводить за предѣлы домостроительства спасенія человѣковъ. И по поводу тѣхъ, которые въ ложной скорби за весь міръ и спасеніе его стали бы сами пренебрегать своимъ спасеніемъ и дѣломъ любви къ Богу, можно сказать, въ предостереженіе ихъ, то же, что, говорятъ, одинъ мудрый христіанскій мужъ сказалъ вопрошавшему о томъ: что же Господь дѣлалъ до творенія міра?—онъ отвѣчалъ ему: готовилъ бездну для любопытствующихъ объ этомъ самомъ.

Епископъ Теодоръ.
